

П. Н. МИЛЮКОВ

Правда о большевизме

От редакции (газеты «Русский патриот». — Сост.): в одной из своих предсмертных статей, предназначенной для американского журнала, П. Н. Милюков отвечает Вишняку и Тимашеву¹ на оценку большевизма в связи с текущей войной. Во время немецкой оккупации статья эта была доступна лишь крайне ограниченному кругу читателей. Считая полезным расширить этот круг, мы, не комментируя, приводим из нее ряд выдержек.

«По существу, мы все — антибольшевики. В этом заключается причина того, что мы должны были покинуть родину. Но в нашей среде появилась, по мнению Вишняка, особая группа “джингоистов” пробольшевизма. Прочтя его характеристику этого течения — и произведя испытание моей собственной политической совести, — я должен был бы причислить себя самого к этой категории. “Гром победы раздавайся”: этой отличительной цитатой Вишняк хочет сразу дискредитировать своих противников. Что же? Мне тоже приходится цинически повторить: “Да! Гром победы раздавайся!” К негодованию Вишняка, “джингоисты”, по своей упрощенной логике, требуют от него выбора: “Вы не за Сталина? — Значит, вы за Гитлера”. Грешен я и в этом. Бывают моменты — это еще Солон заметил и в закон ввел, — когда выбор становится обязательен. Правда, я знаю политиков, которые, по своей “осложненной психологии”, предпочитают в этих случаях отступить на нейтральную позицию. “Мы ни за того, ни за другого”. К ним я не принадлежу.

Сопоставляя старую “правду” со своей новой, “джингоисты”, по наблюдению Вишняка, изыскивают смягчающие обстоятельства прошлой деятельности (советской) власти. Это сказано слишком обще. Какой “деятельности” и в каком “прошлом”? Но я готов

признаться и в этом. Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней. Знаю, что признание это близко к учению Лойолы. Но что поделаешь? Ведь иначе пришлось бы беспощадно осудить и поведение нашего Петра Великого».

«Признаем ли октябрьскую революцию 1917 года *настоящей* революцией, в полном смысле этого слова? Французская и английская революции имели такой же характер и были, несмотря (или даже вследствие) на свою разрушительную функцию, признаны не “эпизодами”, а органической частью национальной истории. Русская революция пошла дальше в направлении разрушения. Она в корне изменила старый социальный строй, уничтожив “классы”, “перестроила” *политическую* структуру, заменив старый государственный строй управлением партийных советов... Вишняк называет все эти перемены “провалами”. Но это значит — за разрушительной стороной русской революции не видеть ее творческих достижений. Мало того: это значит — игнорировать связь русского революционного творчества с русским прошлым, которая, собственно, и подтверждает право рассматривать русскую революцию как “органическую” часть русской истории. На связь русской революции с историческим прошлым мне лично приходилось указывать не раз. Четвертьвековой режим большевиков не может быть простым эпизодом...».

На упрёки Вишняка по адресу России в ее влиянии на разоружение демократий Миллюков отвечает:

«Неужели М. В. Вишняк серьезно думает, что разоружение демократической Европы произошло под влиянием пропаганды из Москвы? И что произошло оно как раз тогда, когда сама Россия секретно вооружалась? Нельзя же до такой степени упрощать и извращать сложное явление европейской жизни! Помимо разнообразных внутренних пацифистских течений, тут, прежде всего, влияло направление внешней политики Англии и Франции, — особенно Англии, — не только не предвидевших вооруженного столкновения с Германией, но и содействовавших своим бездействием ее перевооружению. Все это азбучные истины, вероятно известные и автору. Но его искусственное построение слишком выдает его политическую тенденцию, хотя как-нибудь умалить сталинские (русские) успехи, хоть бы и “объективные”, то есть независимые от его воли. Ту же цель Вишняк преследует, крайне преувеличивая значение соглашения Сталина с Гитлером о нейтралитете России».

На заявление Вишняка:

«Не будь обеспечен у Гитлера тыл на востоке, вероятно, вся картина мира была бы не той, какой она стала после соглашения

23 августа 1939 года, в значительной мере вследствие этого соглашения. Правящая советская клика своим дипломатическим искусством способствовала восхождению к власти наци и победоносному продвижению их по всему миру».

Милюков возражает:

«Читаешь, и не веришь глазам. “Восхождение к власти наци” произошло раньше 1939 года. Западные демократии также разоружились раньше и далеко не закончили к 1939 году своего перевооружения. Их решение вступить в войну с Германией было принято добровольно уже после заключения советско-германского договора 23 августа. Это все — общеизвестные факты. Неужели же Вишняк хотел бы, чтобы вся тяжесть союзной войны против могущественной армии Гитлера легла тогда, как отчасти происходит и теперь, на одну недовооруженную еще Россию? В чем же провинился тут Сталин? В том ли, что он предпочел нейтралитет и тем выиграл еще полтора года для подготовки к войне, которую считал неизбежной?.. Что пакт не был направлен против демократий, доказывается спорным отказом советской дипломатии на неоднократные попытки германцев расширить значение пакта в направлении активного сотрудничества. Если “карта мира”, в отсутствие России, оказалась иной, нежели ожидали демократические государства, то причины этого надо искать в их собственной политике, а не в политике СССР, их будущего союзника. Если СССР обнаружил тут больше “дипломатического искусства”, то это не его вина, а заслуга, и хорошо, что Вишняк не был при этом дипломатическим советником».

И далее, по другому поводу:

«Утверждать, что “правящая клика” ни при чем в теперешнем положительном настроении к ней армии и населения и что отношение к власти сплошь “остается враждебным” — значит присоединиться к ожиданиям неприятеля, тоже “не сомневающегося”, что народ восстанет против правительства и режима при первом появлении германских штыков. В действительности этот народ в худом и хорошем связан со своим режимом его уже четвертьвековой давностью. Огромное большинство народа другого режима не знает. Представители и свидетели старого порядка доживают свои дни на чужбине, а идеологи неоправдавшихся иллюзий, увлекшись народом в начале, тщетно ждали крестьянского восстания как раз в голодные годы коллективизации.

Но надо идти дальше. Народ не только принял советский режим как факт. Он примирился с его недостатками и оценил его преимущества. Н. С. Тимашев прав в своем утверждении, что поворот Сталина к национализму, его пропаганда “зажиточ-

ной” жизни, его уступки в хозяйственной сфере, — прибавлю еще — и его ухаживание за “беспартийными”, — свое действие произвели. Нельзя отрицать наличия устрашающих мер, применяемых не одними большевиками, для поддержания дисциплины в страшной обстановке военной борьбы. Но сам Вишняк отказывается объяснить ими “чудеса храбрости”, обманувшие ожидания наших врагов. Когда некоторые русские люди под впечатлением таких же ожиданий пошли вместе с германцами “освобождать” Россию от ее режима, они получили, по их невольным признаниям “оттуда”, целый ряд бесспорных данных, подтверждающих их недоверие к утверждениям Вишняка и германцев о ненависти народа к режиму. Приведу некоторые из самоновейших показаний этих очевидцев. Беру их из такого компетентного источника, как “Парижский вестник”², издающийся русскими германофилами.

Вот выражения недоумения при первой встрече русских эмигрантских “освободителей” с “подлинной Россией”. “Конечно, в них (русских солдатах) есть много поначалу для нас непонятного, и нужно сказать, что условий русской жизни мы не знали совсем и на внутрирусские политические темы спорить с ними трудно. Приходится, развесив уши, их слушать, делая вид, что все давно знаешь — и быстро находить выход из положения. Никакой теорией их не забьешь. Нужно знание жизни. Наши прежние, старые солдаты бродят среди них (молодых советских солдат), как потерянные, и чувствуют над собою их превосходство” (“Парижский вестник”, № 9).

После первого момента растерянности следует постепенное признание и сдача перед развернувшейся действительностью. Да, — соглашаются эмигрантские наблюдатели, — “народ изменился, стал гораздо развитее, сообразительнее”. “Советчина для них все. Она их вывела в люди, и они ничего другого не хотят” (“Парижский вестник”, № 8). В смысле умственного развития русские люди значительно и выгодно отличаются от дореволюционных. Гораздо больше развиты (№ 10). В частности, красные офицеры как военные спецы подготовлены хорошо. В итоге у “освободителей” является сомнение. “В Париже многие из нас (пошедших с германцами) считались изменниками родине и людьми, идущими против своего народа” (№ 4). А вдруг это правда?

Не знаю, повторит ли Вишняк свое неосторожное восклицание “при чем тут правящая советская клика?” Пусть, прежде всего, справится у своего соседа Н. С. Тимашева. В числе “факторов силы” тут указано: “В первую мировую войну Россия вышла, имея только 40 проц. грамотных в населении старше 10 лет. В эту войну Россия, по данным переписи 1939 года, вошла с 81 проц.

грамотных, неграмотные сохранились только среди старших возрастных групп, а бойцы Красной армии сплошь грамотны”. Мы видели, что они не только грамотны, но и развиты. Здесь я иду дальше Н. С. Тимашева в оценке среднего уровня образования, особенно профессионального и военного. Русский экономист Юрьевский (в издававшемся нами сообща с М. В. Вишняком журнале)³ вычислил, что новый персонал управления, подобранный Сталиным, составляет 14,3 проц. населения, что он сильно возрос сравнительно с 1924 г. соответственно усложнившимся функциям, взятым на себя государством, и что подбор этот заменил старые необученные кадры и состоит из прошедших профессиональные школы работников по разным отделам управления промышленности, торговли, образования, гигиены и т. д. Это уже не похоже на управление дореволюционных земских начальников.

В частности, “причем советская клика” в успехах армии? На феноменальное неведение Вишняка в этой области я хочу ответить свидетельством немецкого специалиста, добросовестно переведенным в русской газете, издаваемой в Берлине (“Новое слово”⁴). Автор статьи в руководящей идеологической газете ударников говорит следующее: “Европейцу кажется невероятным, что советские солдаты дают гнать себя на верную смерть. Столь же невероятно, что они, несмотря на свою рабскую психику, являют примеры полного презрения к смерти. В чем коренится их упорство? Непостижимо, чтобы люди, которые в повседневной жизни прозябают на низшей ступени и потребности которых устрашающе примитивны, что эти самые люди в состоянии справиться с очень сложными машинами, станками и инструментами, что они умеют обращаться с современным вооружением, которое они сами же в состоянии производить. Примечательно, что они вообще сумели наладить производство этого вооружения. Удивительно, что они как-то поставили на рельсы нужный для этого производства гигантский аппарат управления. Вот это — приводящее в изумление достижение. Объяснить его, равно как поведение советского солдата в бою, только массовым рабством, — нельзя, ибо руками рабов можно прорыть каналы, но нельзя создать военной индустрии. Приходится признать в советском человеке нечто, похожее на силу веры” и т. д.

Итак, “упорство” советского солдата коренится не только в том, что он идет на смерть с голой грудью, но и в том, что он равен своему противнику в техническом знании и вооружении и не менее развит профессионально. Откуда же получил он эту подготовку? Откуда, как не от “советской клики”? С другой стороны, немецкий наблюдатель принужден признать в советском

человеке и какую-то силу веры, его вдохновляющую. Может быть, и тут кое-чему его научила “советская клика”. Недаром же от всех советских граждан, попадающих в атмосферу менее “примитивной” культуры, мы постоянно слышим упорное утверждение, что Россия — лучшая страна в мире».

И Милюков заканчивает свою статью: «Мы подошли к концу в пределах замеченного мною разбора. Я боюсь подводить итог: он слишком невыгоден для моего бывшего сотрудника. М. В. Вишняк парит слишком высоко над действительностью, чтобы намечать ее индивидуальные черты. Так легко нельзя решать сложные вопросы жизни. Этой смелости суждений соответствует или незнание фактов, самых очевидных, или забвение о них в угоду заранее намеченным выводам...

Нужно лучше знать правду о большевизме и объективнее к ней относиться».

1944

